Руслан Тимченко

2026

Содержание

Партийный ассенизатор.....3

Начальник милиции.....6

Осенний букет.....9

Психушка.....13

Платье для тёщи.....17

Таракан.....22

ВИА Свежий ветер.....25

Коммутатор любви.....34

Дачная идиллия.....38

Фотограф и тайный агент.....42

Стратегический ящик.....46

Лёшка Морковкин.....51

Дефицит.....56

Конкурентки.....60

Свадьба.....63

Гараж.....
..68

Партийный ассенизатор

Это было утро, которое начиналось обычно, но обещало войти в историю города Новосельцево. Первый секретарь горкома Иван Степанович Кутаисов пил утренний кефир и просматривал сводки, когда затрещал верный стационарный телефон.

— Иван Степанович, — голос заведующего горкомхозом дрожал, как студень на вокзальном буфете, — город встал! Совсем!

Кутаисов поперхнулся. Город не мог встать. Город работал, выполнял план по колбасе и перевыполнял план по выговорам подчинненых. Однако факт оставался фактом: пробка на единственной магистрали, соединяющей спальный район с хлебозаводом, достигла критической массы. В пробке стоял лично директор хлебозавода, а это значило, что к обеду не будет ни одного«кирпичика хлеба».

— Кто виноват? — спросил Кутаисов с привычной партийной прямотой.

— Ассенизатор, — прошептали в трубке.

Выяснилось, что на целый город был ровно один ассенизатор. Звали его Семён Ильич Качалов. В городе его знали все, хотя видели только издалека, по характерному аромату. Семён Ильич управлял единственной ассенизационной машиной — чудом инженерной мысли на базе ЗИЛ-130, которое носило гордое название «Бочка». И вот этот Семён Ильич, возвращаясь вчера с трудовой вахты, позволил себе так скажем немного расслабиться.

— Сколько? — спросил Кутаисов, чувствуя нехорошее.

— Триста граммов, — соврал заведующий. На самом деле Семён Ильич употребил полтора литра чистого спирта, не смотря на то что водка в сельпо продавалась «по блату».

Уснул Семён Ильич прямо за рулём. Уснул так крепко, что даже не проснулся, когда его «Бочка», оставшись без присмотра, мягко говоря, по-хозяйски, перекрыла обе полосы движения. Машина стояла ровно посередине, как памятник самой себе. А рядом, положив голову на руль, спал человек, от которого зависело санитарное благополучие всего города.

Кутаисов, будучи человеком решительным, набрал номер начальника городской автоинспекции майора Ковалёва.

— Майор, это Кутаисов. Срочно уберите машину ассенизатора!

— Слушаюсь, товарищ горком! — рявкнул майор и положив трубку, вытер испарину. Он уже был на месте.

Но Семён Ильич, даже в состоянии глубочайшей комы, обладал специфическим профессиональным рефлексом. Как только инспектор приблизился к дверце, воздух наполнился таким букетом амбре, что у инспектора заслезились глаза, а погоны, по слухам, на секунду позеленели. Подойти второй раз никто не решился.

Вторая попытка: отбуксировать «Бочку» тросом. Но тут выяснилось, что тормоза у ассенизационной машины были затянуты намертво. Семён Ильич, наученный горьким опытом (однажды его «Бочка» самопроизвольно укатилась в реку), перед употреблением спирта всегда ставил машину на ручник и включал первую передачу. Буксирный трос лопнул с хлопком, похожим на выстрел пистолета.

Третьей попыткой представлялась возможность: подогнать самосвал из воинской части. Но самосвал сломался по дороге. У него кончился бензин, а шофер забыл права.

И тогда майор Ковалёв, осознав, что его карьера висит на волоске, а на другом конце провода ждёт горком Кутаисов, принял волевое решение. Он вызвал по рации весь личный состав ГАИ города, а это было двенадцать человек, включая женщин -регулировщиц.

Операция получила кодовое название «Слив».

План был прост и гениален. Инспектора, надев противогазы (из запасов гражданской обороны), должны были подойти к «Бочке» с двух сторон, открыть дверь, извлечь тело и доставить его в квартиру,

минуя общественность.

Первый этап прошёл успешно. Восемь человек в противогазах, группировавшись, синхронно потянули дверь. Семён Ильич, издав звук, похожий на трубный глас Иерихона, начал медленно сползать на асфальт. Тут-то и выяснилась деталь: Семён Ильич был не просто ассенизатором, он был ассенизатором -богатырём, человеком плотного телосложения, годами питавшимся гречкой с тушёнкой.

— Берем на «раз-два»! — скомандовал Ковалёв, лично возглавив группу захвата.

Шестеро инспекторов взяли Семёна Ильича под руки, двое поддерживали голову. Тот, не просыпаясь, запел песню про «Валенки». Пробка, наблюдавшая за этим действом, забыла о хлебе. Люди высовывались из окон, свистели, аплодировали. Какая-то пенсионерка перекрестилась и сказала: «Свят, свят, свят. ГАИ душу из грешника вынимает!».

Но главное испытание ждало впереди. Квартира Семёна Ильича находилась на пятом этаже «хрущёвки».

Майор Ковалёв лично взял на себя самый ответственный участок — ноги. Он шёл впереди, пятясь спиной, и командовал подъёмом.

— Выше, товарищи! Выше и выше! Не уронить! Помните, мы не просто человека несём — мы несём санитарную стабильность города!

На третьем этаже у инспектора Петренко сдал противогаз. Петренко вылетел из строя, его заменила регулировщица Зинаида, которая, несмотря на хрупкое телосложение, держала спину Семёна Ильича с невероятной стойкостью. На четвёртом этаже у самого майора отвалилась пуговица на кителе, и он, одной рукой придерживал штаны, продолжая командовать.

Когда дверь в квартиру была наконец открыта, а ключи нашли в кармане Семёна Ильича вместе с коробком спичек, инспекторы бережно уложили ассенизатора на тахту. Семён Ильич, не открывая глаз, икнул и сказал:

— Ну, Серега, давай еще по одной. И закусим!

Майор Ковалёв, поправив китель и сдувая с лица капли пота, вышел на лестничную клетку. Там его ждал Кутаисов, который, не доверяя телефону, приехал посмотреть на транспортировку ассенизатора лично.

— Доложите обстановку, майор!

— Товарищ первый секретарь, — голос Ковалёва звучал глухо из-за снятого противогаза, — операция завершена. Водитель доставлен по месту жительства. Транспортное средство «Бочка» будет отбуксировано к восьми ноль -ноль с привлечением тяжёлой техники.

Кутаисов посмотрел на закрытую дверь, из-за которой доносился богатырский храп, потом на измождённого майора, у которого на кителе не хватало пуговицы.

— Молодец, — сказал Кутаисов. — Представлю к ордену. Знак «За отличие в службе» точно дам. Но... — он строго поднял палец, — чтоб завтра к шести утра «Бочка» была в строю. И чтоб я больше не слышал про такие пробки. Мы же не в Париже каком-нибудь живём!

— Слушаюсь! — козырнул майор.

Спускаясь по лестнице, Кутаисов обернулся к заведующему горкомхозом, который семенил следом:

— Слушай, а чего это у нас ассенизатор один на весь город?

— Так ставка одна, Иван Степанович. По штатному расписанию.

— Напиши докладную. Нужно две ставки. И пусть ему жену подыщут, из активисток. А то так мы от него всех инспекторов ГАИ потеряем.

На следующее утро Семён Ильич, чувствуя лёгкое недомогание, но с чувством выполненного долга, сел за руль своей «Бочки». Пробок больше не было. А на лобовом стекле его машины неизвестный доброжелатель приклеил бумажку, на которой было написано: «Водитель! Не паркуйся поперек дороги!» Семён Ильич почесал затылок, чихнул и поехал спасать город от новой напасти.

Начальник милиции

Это был тихий, даже сакральный час в отделении полиции. Сержанты Петренко и Сидоров, измождённые суточным дежурством, допивали третий чайник и мечтали о том, как рухнут в свои койки. Начальник, майор Мышкин, исчез сразу после обеда, что было верным признаком: что явно наступил «праздник».

Праздник этот носил имя Сергея Сергеевича, начальника местного отделения компартии. Два великих стратега встретились в кабинете Мышкина, чтобы обсудить судьбы городского района, которые, как известно, лучше всего обсуждаются под коньяк «Кизляр» с лимоном.

К полуночи коньяк кончился, а стратегическая мысль, наоборот, стала вязкой и требовательной.

— Товарищ майор, — прошептал Мышкину Сергей Сергеевич, истово размазывая остатки лимона по тарелке. — Есть такое желание… надо брать добавку!

Мышкин, чьё тело уже жило собственной, гравитационно - независимой жизнью, молча кивнул.Мышкин был человеком изобретательным. Пошатываясь, он вышел на улицу, достал из кармана кителя горсть мелочи и направился к таксофону на столбе.

В отделении раздался пронзительный звонок. Петренко, взяв трубку, услышал тяжёлое, с присвистом, дыхание и знакомый, но искажённый расстоянием и градусами голос:

— Рядовой Петренко? Говорит «Гроза»… Код 114… Задача особой важности… — Мышкин закашлялся в трубку. — Срочно приобрети объект стратегического назначения… «Столичная», ноль-семь… и маршрутным такси до хаты… Тьфу, до штаба. Конец связи!

— Товарищ майор, да у нас дежурство, — попытался возразить Петренко.

— Не рассуждать! После чего трубку оказалась в гнезде таксофона.

Петренко и Сидоров, выматерившись, скинулись по мелочи, нашли ларёк и, чувствуя себя тайными курьерами, повезли водку майору.

Через какое -то история повторилась. Мышкин, видимо, осознав прелесть таксофонной связи, позвонил снова, требуя добавки и «закуси в виде бутербродов».

Сидоров, человек хмурый и циничный, вернувшись в четыре утра, сказал:

— Петренко, он нас в своих курьеров превратил. Я спать хочу. Если он ещё раз позвонит, я его удушу!

— Чего? — не понял Петренко.

— У меня есть план.

Сидоров залез в свою аптечку, которую носил с собой, и извлёк блистер с фенобарбиталом — сильным снотворным.

— Мы ему сервис организуем. Консьерж-сервис.

В шестом часу утра, когда солнце уже начало жечь глаза сквозь

пыльные шторы, таксофон ожил вновь. Голос Мышкина напоминал скрежет танковой гусеницы:

— Сержант Сидоров? Подъем! Срочно! Объект «Сергей Сергеевич» требует восполнения ресурсов. Водка — не догоняет. Срочно сделать!

Сидоров, зловеще улыбаясь, схватил пакет с бутылкой «Столичной», которую они предусмотрительно купили заранее.

— Слушаюсь, товарищ майор! Выполняю!

Пока Петренко трясся на сиденье рядом от холода, Сидоров, чистым аптечным шприцем, он был педантом в своём деле, аккуратно ввёл через пробку растолчённые три таблетки фенобарбитала. Взболтал. Пузырьки воздуха весело побежали к горлышку.

Через пятнадцать минут они стояли на пороге кабинета. Мышкин открыл дверь. Глаза его блестели нездоровым энтузиазмом, а милицейская фуражка съехала на затылок, а Сергей Сергеевич дремал ничком, тихо посапывая и вздрагивая ногой.

— Молодцы, орлы, — прохрипел Мышкин, выхватывая бутылку. — Наливай! За партию и правительство!

Мышкин щедро плеснул себе и разбудил начальника компартии. Сергей Сергеевич, не открывая глаз, машинально опрокинул стопку в себя. Мышкин проснувшись тоже хлопнул.

Сержанты замерли у двери, изображая каменные изваяния.

Минута прошла в тишине.

Мышкин тяпнул, потянулся за бутербродом, но вдруг его рука застыла в воздухе. Взгляд, ещё секунду назад горящий огнём полководца, стал терять фокус. Веки начали наливаться свинцом.

— А… это… — пробормотал он, пытаясь сфокусироваться на сержантах. — Вы… это… идите… я потом… звякну…

С этими словами майор Мышкин медленно, с достоинством падающего дуба, завалился набок, прямо на плечо Сергею Сергеевичу. Тот даже не проснулся, а лишь на автомате обнял начальника полиции, приняв его за подушку.

В кабинете воцарился глубокий, медитативный храп на два голоса.

Петренко и Сидоров, забрав пустые бутылки из-под коньяка и пакеты, чтобы не оставалось улик, вышли. Сидоров аккуратно прикрыл дверь

на ключ, который предусмотрительно взял с вешалки.

— Ну все, — сказал Петренко, вытирая пот со лба. — Теперь до обеда не позвонит.

— Теперь, — мечтательно поправил его Сидоров, спускаясь по лестнице, — он мне ещё и благодарность объявит. За качественный сон в рабочее время!

Они вернулись в отделение, рухнули на кушетки, и, наконец, забылись богатырским сном.

А в кабинете начальника ближе к полудню произошло чудесное явление. Мышкин открыл глаза, чувствуя небывалую ясность ума и лёгкость во всем теле. Он никогда еще не просыпался таким отдохнувшим. Рядом, мирно посапывая, лежал Сергей Сергеевич.

Майор осмотрел стол. Пустая бутылка «Столичной» стояла на месте.

— Это ж надо, — удивился Мышкин, потирая затылок. — «Столичная» пошла… А спать-то как не хочется! Вот что значит качественный продукт. Никакого похмелья, одна бодрость!

Он посмотрел на телефон (стационарный, который был отключён), потом на дверь, потом на спящего начальника компартии.

— Да, — заключил майор, принимая единственно верное стратегическое решение. — Сержантов надо премировать. Инициативные… Толковые ребята!

Он встал, потянулся, чувствуя себя человеком, который только что выиграл войну, и бодрым шагом направился умываться, оставив начальника компартии досматривать сны о светлом коммунистическом будущем под охраной верного табельного оружия, лежащего в сейфе.

«Осенний букет»

В те времена я был молод, зелен, но уже успел познать суровую правду жизни: если начальник говорит «романтика полевых вахт», значит, жрать будет нечего, а спать — вповалку на трансформаторных ящиках.

Стоял конец семидесятых. Нас, бригаду электриков -высотников, забросили в самую глушь Целиноградской области тянуть высоковольтную линию через пшеничные поля. Место там, скажу я

вам, настолько богатое культурой, что единственным очагом цивилизации на сто километров вокруг был сельский универмаг. Не магазин даже, а так — сарай с вывеской, где пахло керосином и валенками.

Но для нас главным отделом в этом универмаге был стеклянный прилавок с алкоголем. Ассортимент радовал глаз своим разнообразием: портвейн «777», водка «Чайка» и оно — вино «Осенний букет».

Цена у него была смешная — рубль сорок. Цвет — как у раствора марганцовки, если в неё плюнуть. Вкус… вы когда-нибудь пробовали пить жидкую карамель, в которую добавили спирт и медный купорос для бодрости? Вот это оно и было. Но после шестнадцати часов работы на столбе, когда ветер выдувает из тебя всю душу, а в котелке гречка с тушёнкой, этот «Букет» казался нектаром богов.

Боги, правда, быстро дали понять, что шутить с нами не намерены.

На вторые сутки вахты у нас случилось коллективное просветление. Причём просветление с очень конкретной, жидкой стороны. Сначала забеспокоился Петрович. Он слез с опоры с таким лицом, будто увидел привидение, и, не говоря ни слова, быстрым, спотыкающимся шагом, сжимая ягодицы, устремился в сторону сортира. Сортир у нас был на отшибе — будка из горбыля с дыркой в полу.

Через пятнадцать минут забеспокоился я. Потом Лёха. Потом дядя Коля.

К вечеру вся бригада представляла собой жалкое зрелище. Мы сидели на спальниках, обложившись пачками газет, которые драли нежную кожу хуже наждака, и проклинали тот день, когда в СССР придумали «Осенний букет».

Но работа есть работа. Высоковольтная линия не тянется сама собой. На третий день у нас был аврал: нужно было поднять провод на самые высокие опоры — метров пятнадцать.

— Мужики, — сказал прораб Семеныч, сам сидя на корточках за вагончиком, — я вас умоляю, держитесь. На вышке не ссыте. То есть, в смысле, не ссыте в прямом смысле, там под напряжением!

Лёха, самый молодой из нас, пополз на опору. Пополз медленно, часто останавливаясь, как сомнамбула. Я работал на соседней опоре. Вдруг вижу: Лёха добрался до траверсы, сел на неё верхом, как на лошадь, и замер. Лицо его под каской стало не просто белым — оно стало ватным.

— Лёха! — кричу ему в ветер. — Ты чего заснул?! Крепи изоляторы!

Он медленно повернул ко мне голову. Глаза его выражали всю глубину человеческого страдания. И тут я понял по его лицу, что произошло. Тот самый предательский спазм, который не спрашивает, на какой ты высоте.

— Лёха, терпи! — заорал я, обливаясь холодным потом за него. — Не смей! Тут же пятнадцать метров! Внизу люди!

— Не могу-у-у! — донеслось до меня жалобное. — Оно… наступает!

То, что произошло дальше, мы вспоминаем до сих пор с уважением к героизму советского электрика. Лёха, рискуя жизнью, сцепил зубы, сдавил ногами металл и, со скоростью маньяка-парашютиста, сполз по опоре вниз. Он даже не пользовался «когтями» — он просто обнял столб и съехал по нему, обдирая пузо и колени. На последних двух метрах он спрыгнул и, не разгибаясь, «гусиным шагом» — куда там! — и с горя рванул в пшеницу.

Мы смотрели, как колосистая пшеница волнуется там, где он пробежал, и поняли: так жить нельзя!

Вечером был созван экстренный комсомольско -профсоюзный сход. Сидели вокруг костра, все бледные, осунувшиеся, с бульканьем в животах.

— Не можем мы больше это пойло хлебать, — прохрипел Петрович. — Но и трезвыми работать нельзя. От похмелья тоже… того… подматывает.

И тут осенило дядю Колю. Дядя Коля был химик -самоучка. Он работал на химзаводе до того, как его посадили за прогул, но теорию помнил.

— Спирт, — сказал дядя Коля, глядя в бутылку с «Букетом», — в этом дерьме, конечно, есть. Но там же еще и эти… дрожжи. —Бродиловка! Кишечник разъедает напрочь. Надо нейтрализовать.

— Чем? — спросил Семеныч. — Активированным углем? У нас его нет.

— Огурцом, — уверенно сказал дядя Коля. — Точнее, огуречным лосьоном!

Воцарилась тишина. В универмаге, помимо вина, продавался еще и тройной одеколон, и лосьон «Огуречный» в пузырьках. Пахло это добро, как парник в июле, а пилось — как жидкий нашатырь с солью.

— Ты спятил, — сказал я. — От лосьона печень отвалится!

— А от «Букета» — жопа отвалится, — резонно заметил дядя Коля. — Лосьон дубит. Крепит. Спирт там технический, он любую заразу убьет. Смешаем один к двум.

Делать было нечего. Мы скинулись, купили ящик «Букета» и три флакона «Огуречного». В ржавом чайнике дядя Коля сотворил алхимическую реакцию. Жидкость приобрела мутно -зелёный оттенок и запах стоячей воды с огорода.

Семеныч, как прораб, выпил первый стакан. Зажмурился, занюхал рукавом, хряпнул.

— Жжет, — сказал он. — Но внутри тихо.

Мы выпили в тот день все.

Эффект был потрясающий. Животы скрутило один раз — для профилактики, видимо, — а потом наступила долгожданная тишина и твёрдость. Организм, получив дозу спирта с огуречной эссенцией, решил, что умирать некогда, надо выживать.

Прошло два дня. Мы снова стали людьми. Работа закипела. Линия росла как на дрожжах, и мы, глядя с высоты на бескрайнее море пшеницы, чувствовали себя покорителями целины. И даже начали подзабывать про кошмар той недели.

Но судьба любит посмеяться.

На пятый день к нам пришла подмога. Из района прислали вторую бригаду — шесть молодых парней, которых бросили на смежный участок. Их привезли вечером, на закате.

Мы сидели у вагончика, пили наш фирменный коктейль «Огуречный лосьон» и смотрели, как новенькие разгружают свои вещи. Самоуверенные, чистые, они смотрели на нас с лёгким пренебрежением — старые пердуны, пьют какую-то мутную гадость.

— Мужики, — сказал я, чувствуя себя бывалым ветераном, — вы там в универмаг не ходите. Вино не берите!

— А что так? — спросил самый молодой из них, кудрявый парень с чемоданом.

— «Осенний букет» там, — веско сказал Петрович. — Он нутро жжёт. Не берите.

Новенькие переглянулись. Один из них, видимо, бывший торгаш, хмыкнул:
— Да ладно, деды. Мы такое портвейнами хаживали — не впервой. А это вообще дешёвка.

Они сходили в универмаг. Вернулись с ящиком. На наших глазах они открыли бутылки и выпили. Мы смотрели на них как на приговорённых к смерти, но молчали. Опыт — вещь жестокая. Некоторым надо обжечься самим.

Ночью в стане новичков начался ад.

Мы слышали их стоны, топот ног, отчаянные крики: «Где здесь сортир?!», «Братцы, не пускайте!». Потом была тишина. Потом снова топот. Мы лежали в своём вагончике, слушали и вздыхали.

Утром мы вышли и увидели картину, достойную кисти Сурикова, если бы тот любил чёрный юмор.

Поле пшеницы вокруг вагончика новичков было утоптано до состояния танцпола. А вдалеке, метрах в трехстах от лагеря, в золотом море пшеницы, торчали… головы. Три головы. Они были неподвижны и смотрели в разные стороны, как удивлённые суслики.

— Это чего они? — спросил Лёха, потирая спину.

— Дошло, — спокойно ответил Семеныч, поправляя фуражку. — У них там, видимо, бумага кончилась. И до кустов не добежали. Сидят теперь в засаде, в пшенице. Ждут, когда ветер листья колосьев надует.

— А двое где? — спросил я.

— Двое в сортире, наверное. Очередь занимают.

Мы посмотрели на головы, торчащие из пшеницы. Одна из голов, та, что была кудрявая, которая вчера хвалилась портвейном, медленно повернулась к нам. Губы у неё шевелились.

— Э-э-эй! — донеслось до нас слабое. — Мужики! Деды! Помоги-и-ите! Газету принеси-и-ите!

— Пойду, отнесу им бумагу, — вздохнул Петрович, доставая из-за пазухи заветную газету.

— И бутылку «Огуречного» с собой возьми, — крикнул ему вслед дядя Коля. — Скажи, это лекарство. Пусть заплатят по три рубля с носа.

Мы пошли на завтрак. За спиной в пшенице колыхались головы. Осень в тот год выдалась богатая на урожай: хлеб, «Осенний букет» в бескрайнем море золотых колосьев. Красота.

С тех пор, если я вижу в магазине дешёвое вино, меня пробивает холодный пот, а ноги сами несутся в сторону дома.

Психушка

Действие происходит в отдельно взятой психиатрической лечебнице города N, осенью 1986 года. Пахнет тушенной капустой, хлоркой и надеждой на скорый обход.

Пётр Степанович Мурзин, сантехник пятого разряда по совместительству — любитель выпить, а по факту — временный постоялец, сидел на койке, обхватив голову руками. Вчерашний день запомнился ему урывками: шапка снега, почему-то надетый на голову унитазный бачок, крики и чьи-то сильные руки, упаковавшие его в «психиатрическую клинику».

— И что? — спросил он у пустоты. — Я теперь ненормальный? Я, Пётр Мурзин, почётный и лучший сварщик ЖЭКа-7?

— Ты не ненормальный, — раздался скрипучий голос с соседней койки. — Ты — диверсия. Тебя сюда заслали, чтобы сломить мой дух!

Пётр покосился. На соседней койке лежал мужчина с квадратной челюстью, коротким ёжиком волос и взглядом, способным прожечь броню. На нём была надета больничная пижама, но держался он так, будто это парадный китель. Это был Виктор Сергеевич Семенов, майор в отставке, танкист.

— Здрасте, — буркнул Мурзин. — А вы чего тут забыли?

— Жена сдала, — чеканя каждое слово, как команду «огонь», ответил майор. — Завела шашни с инженером Шпулькиным. Шпулькин! Слышишь фамилию? Дохлая интеллигенция, который гайки до конца не закручивает! Я их застукал. Ну, естественно, я слегка погнул ему его арифмометр... то есть, его самого. А она — в милицию. Сказала, что я буйный и требую вылета в космос без скафандра!

— А вы требовали? — осторожно спросил Пётр.

— Я просто сказал, что пристрелю этого Шпулькина из танкового пулемета! — рявкнул майор. — Это не бред, это оперативная необходимость!

В этот момент дверь палаты с грохотом отворилась. На пороге стояли два амбала. Один был рыжий, с лицом, напоминающим кирпич, второй — блондин с бычьей шеей. На них были белые халаты, надетые поверх клетчатых штанов, и тапочки на босу ногу. Это были Колян и Боб.

— Ну чё, ораторы? — лениво спросил Колян, сунув руку в карман. — Будем нарываться? Или культурно отдыхаем?

— Мы культурно, — быстро сказал Пётр, инстинктивно поджимая ноги к животу. Он уже знал, что эти двое — грозное оружие медицинских братьев. Покажешь пальцем, шепнёшь «этот не хочет укол», и эти двое скрутят кого угодно. Плата — леденцы «Дюшес».

— Вот и славно, — кивнул Боб. — А то у нас там, в коридоре, клиент раскумарился. Придётся работать.

Из коридора действительно доносился монотонный, настойчивый, как сигнал заводского гудка, крик:
— ХОЧУ СРА-А-АТЬ! НА ВСЮ БОЛЬНИЦУ ХОЧУ СРА-А-АТЬ!

Майор Семенов поморщился:
— Это кто? Диверсант? Провокатор?
— А, это Степан, — махнул рукой Колян. — У него пунктик. Он кричит это с утра до обеда. А после обеда — «Даёшь пилюлю». Универсальный, одним словом, пациент.

— ХОЧУ-У-У! — донеслось с новой силой.

—Спокойно! —заметил блондин Боб, доставая из кармана леденец и засовывая его за щеку. — Ты, Пётр, не переживай. У нас тут главное — не выделываться. Ты вот зачем попал?

— Говорят, белая горячка была, — вздохнул Мурзин. — Но я -то помню: я просто сифон менял. А бачок на голову сам налез. Техника безопасности, её, суки, никто не соблюдает.